

...Во времена, когда я еще ходила пешком под стол, в доме нашем нередко собиралось много гостей. Среди них всегда особо привечались жители Загарья, родной бабушкиной деревни, что в восьми километрах от нашей. Собираясь по вечерам вокруг пузатого самовара, вспоминали они былое, вновь и вновь перебирая «всякоранешное». В их излюбленных былях передо мной, будто наяву, оживали картины, на которых взлетали колодезные журавли над плетеными изгородями, щеголяли узорными ставнями высокие дома-пятистенки, звенели юными голосами широкие улицы. Мне доводилось бывать в их деревне, но не было там ни высоких домов, ни глубоких колодцев — лишь пара осевших по самые окна изб да трава по пояс... Сегодня, вглядываясь в родные просторы, я понимаю, что и мои внуки, наверняка, с недоверием будут слушать мои рассказы.

Числится пока наше Горбачево населенным пунктом. Стоят как-то старые избы, живут еще в некоторых прежние соседи, но нет уже той деревни, в которой я выросла и бегала

по проселку в ситцевом платьице. Все чаще и чаще пытаюсь воскресить в памяти счастливые мгновения детства. Вот вижу себя совсем маленькой девочкой. На дворе весна, солнце щурится сквозь дымку майских облаков, а я бегу вприпрыжку по широким деревянным мосткам на пекарню за свежим хлебом. Щемит в груди от радостного ожидания: распахнется низенькая дверь, обдаст меня хлебным жаром. Кажется, сам ветер несет меня; как в замедленной съемке, полощется на ветру пестрая юбка, сшитая бабушкой, а красная кофта — с такими рукавами, что шаг еще — и я взлечу, взмахнув красными крыльями... Но... Затянуло бурьяном то укромное место на берегу ручья Шапово, где когда-то дымила высокой трубой пекарня. Растаял за кронами осин дразнящий запах свежего хлеба...

Воспоминания нахлынули, и я хватаю ручку и бумагу в надежде поймать мимолетную картинку, запечатлеть в словах некогда испытанное счастье. А слова не идут. Эх, хороша была моя деревня, людная, дружная, веселая! «Была» — затеняет всю строчку ро-

ковой глагол. И теряются за ним перебор раздольного сенокоса, шелканье кнута и надсадный скрип телеги под ношей сена с дальнего покоса...

Мне хотелось бы написать о том, как вырастает новый дом на пригорке у колодца. День за днем под перестук топоров из запаха смолы и кучерявых стружек все выше и выше тянутся рубленые простенки, пока не поднимется он, стройный красавец, во весь рост, подставив солнцу острые грани новенькой крыши. Да и ах! Рядом с тем колодцем затянуло жгучей крапивой свежее пожарище. Пьяный сосед на ночной пирушке подпалил избу, и сам сгинул вместе с ней. В общем-то и не его была та изба. Когда хозяйин ее помер, с десятков лет тужила она, оставленная на произвол судьбы. Вот и приткнулся к ней случайный человек. Уже покосилась банька, опаленная пожаром. Обомшела полегшая изгородь. Лишь обметенная огнем калитка не хочет сдаваться. Зацепилась за столб проржавленной петлей и все скрипит на ветру, будто всхлипывая. Тлен и забвение...

Воспоминания то уносят меня в прошлое, то, как в кино, смешиваются с реальностью...

Не представляю наш дом без хлопотуньи бабушки. Старушка моя, я все помню: твой добротный двор с хороводом рябин вдоль ограды, и беспокойных овец, от зноя забив-

шихся в угол, и толстого пастуха, охрипшего малость от собственной важности... Гляжу – а колодец-то мой никак помолодел с последней нашей встречи? Скинув ветхий деревянный сруб, оделся в прочные бетонные кольца и будто подбоченился. А нахлобучив шиферную крышу, совсем заважничал. Топчется рядом с ним прежний приятель – журавель, тянет просительно длинную шею, да не под стать колодезному «франту» водиться с долговязым. Зачерпнув колодезной водицы, хлебну, как прежде, из немеющих ладошек и побреду дальше – мне ли судить заспоривших друзей!

Ноги несут меня той же дорогой, но глаза не признают прежние места. Уже совсем неразличимы тесовые мостки вдоль забора, высланные когда-то заботливой рукой до самой околицы. Одичалый малинник тянется из запустелых огородов. И кажется, что каждая изба внимательно следит за мной изпод старых черемух, чуть грустнее от того, что я прохожу мимо ее калитки. Чудится ли мне, но в их потемневших окнах я словно читаю немые укоры.

Так же глядела на мир однорогая корова Малька, когда хозяйка отправляла последнюю кормилицу на убой. Баба Валя, в распахнутой синей фуфайке и валенках на босу ногу, суетилась вокруг нее, то подкладывая

ей сена, то потчюя теплой пшеничной горбушкой, то просто охаживая широкой натруженной ладонью ее крутые бока. Малька стояла посреди двора на вытоптанном, подмерзшем угоре и покорно жевала предложенный ломоть, а в глазах ее затаилось нечто бездонное. Старая хозяйка снова и снова придумывала себе «работу», оттягивая час расставания, и не в силах выдержать коровий взгляд... Когда-нибудь, наверное, я расскажу своим внукам о волшебном месте, в котором выросла. Но, сидя на покато́м склоне среди травы, среди россыпи ромашек и земляники, не уверена, найду ли нужные слова... Я проведу их вдоль говорливой речки Шарденьги, по узким тропинкам, пахнущим клевером и дикой мятой. Расскажу моим родимым, как ветер гонит золотую волну на ячменном поле. Покажу, как сосны на высоком Тайкинском угоре щеко́чут вершинами облака.

Пускай сегодня уже не представить, как все беспечно цвело на забытых угорах деревни, но никогда не зарастут дороги, ведущие к ним. Ибо лежат они не на старых архивных картах, а в сердце каждого из нас. ■